

**Горицкая О. С. Язык и границы:
Лексическая и грамматическая специфика
русского языка в Беларуси.
Минск : МГЛУ, 2021. — 300 с.**

DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-101-105

Первая четверть XXI в. в европейской гуманитарной мысли проходит под знаком фронтальных исследований: изучаются и осмысляются территориальные и виртуальные, исторические и культурные границы, пограничья и контактные зоны разных культур и этносов. Интересно, что русскоязычная лингвистика пока еще только подходит к переосмыслению традиционной для языкознания проблематики контактной, ареальной, диалектной лингвистики в этой новой и весьма перспективной парадигме исследования.

Одновременно в современной русистике стали появляться интересные работы, связанные с осмыслением положения русского языка в новую, не просто постсоветскую, но и ультра-современную эпоху: в эпоху, когда на русском языке говорят десятки миллионов людей не только в России или на пространстве бывшего СССР, но и по всему миру, что стало следствием рабочей мобильности, новых волн эмиграции, увеличением количества херитажных носителей языка и т. д. И если мировые разновидности английского, французского и испанского языков уже давно анализируются в лингвистике, то изучение социолингвистических и собственно лингвистических особенностей русского языка зарубежья, его ареальные и культурные особенности, проявляющиеся в тех или иных странах мира, ещё только начинают изучаться.

В качестве примера такого крайне интересного и актуального исследования состояния русского языка за пределами Российской Федерации можно привести коллективную монографию «Русский язык за его пределами» (Екатеринбург, Москва: Кабинетный учёный, 2020), под общей редакцией Б.Ю. Нормана и Х. Куссе, в которой анализируется функционирование русского язы-

ка в девяти странах: Беларусь, Украина, Казахстан, Таджикистан, Германия, Швейцария, Италия, Канада и Китай. В этой монографии эксплицируются исторические, культурные и социальные предпосылки актуальной языковой ситуации и определяются современный статус, состояние и реальное использование русского языка в каждой из названных стран. Разумеется, в монографии анализируются также и особенности регионального варианта русского языка во взаимодействии с другими языками данной страны или ареала. Первый раздел, посвящённый описанию русского языка в Беларуси, написан Б.Ю. Норманом и его ученицей и коллегой О.С. Горицкой, материалы докторского диссертационного исследования которой легли в основание не только этого раздела, но и самостоятельной монографии, увидевшей свет в 2021 г. в Минске.

Авторская монография О.С. Горицкой обобщает результаты глубокой по степени исследования и широкой по поднятой проблематике докторской диссертации, многочисленных статей и докладов, представленных на международных конференциях, в славистических и лингвистических журналах Беларуси, России, Германии, Словакии, Чехии, Финляндии и других стран.

Функционирование русского языка в разных государствах имеет специфические черты, обусловленные социально-политическими и лингвистическими факторами. Важно отметить, что данная монография закрывает зияющую лауну в современной русистике: не может не поражать тот факт, что последнее комплексное, монографическое исследование русского языка на территории ближайшей, соседней страны проводилось почти 40 лет назад, в прошлом веке и в другом государстве; речь идет о коллективной

монографии «Русский язык в Белоруссии» под ред. А. Е. Михневича (Минск: Наука и техника, 1985).

В центре многолетних интересов О. С. Горицкой находится, по её собственной формулировке, «сегмент белорусско-русского языкового континуума — русская речь в Республике Беларусь».

Известно, что разновидности русского языка в различных постсоветских странах имеют уникальную социолингвистическую специфику. Так, согласно модели Р. Мура, латвийская (эстонская и т. п.) и белорусская (казахстанская и т. п.) разновидности русского языка находятся на различных этапах развития, что не в последнюю очередь обусловлено и несовпадающим официальным статусом русского языка в этих странах: от государственного (Беларусь) и официального (например, Киргизия) до языка общения между нациями (Грузия и др.) и языка иностранцев (Латвия). В каждой из стран бывшего СССР русский язык имеет и структурные особенности, которые обусловлены контактами с другими языками. Кроме того, заложенные в системе русского языка тенденции реализуются по-разному в зависимости от местных (социо)культурных условий.

Одновременно для осмысления языковой ситуации Беларуси и Украины оказывается чрезвычайно важным феномен смешанной некодифицированной речи (в Беларуси это — трясанка, в Украине — суржик). Проблема языковых контактов в таком случае получает ещё и уклон в сторону культуры речи и языковой нормализации, чему много внимания уделено в монографии О. С. Горицкой в разных аспектах — от психолингвистических до лингвоэкологических.

Монография состоит из пяти глав, соответствующих этапам исследования функционирования русского языка в белорусском обществе и осмысления его роли самими жителями Беларуси.

Глава первая, «Русская речь жителей Беларуси в белорусско-русском континууме», закладывает теоретический фундамент исследования. На первых же страницах О. С. Горицкая формулирует исходную социолингвистическую проблему: «белорусский и русский языки, несмотря на официальное равноправие, занимают неоди-

наковое положение в обществе, и поэтому Беларусь — пример несбалансированной языковой ситуации. Русский язык доминирует как средство коммуникации, в то время как белорусский выполняет преимущественно символическую и этноконсолидирующую функции» (с. 10). Сложившуюся ситуацию исследовательница вписывает в круг типологически схожих ситуаций (например, шотландский гэльский) и подробно доказывает результатами новейших социологических и социолингвистических наблюдений. Так, согласно переписи населения 2019 г., 61,2 % жителей Беларуси указали в качестве родного языка белорусский, а 38,1 % — русский. Однако в качестве повседневного языка белорусский выбрали только 28,5 % жителей, а русский — 71 %. Правда, как точно замечает О. С. Горицкая, проблема такого распределения может быть связана и с тем, как сами опрошенные белорусы понимают (да и реагируют на) термин «родной язык». Более того, подобные данные официальной переписи заведомо неполны, поскольку не учитывают ту же трясанку как белорусско-русскую смешанную речь. Проблематике социо- и психолингвистической природы трясанки и её соотношения с белорусским и русским языками посвящён отдельный раздел монографии (1.1.2.).

В связи с белорусским билингвизмом и смешанным характером белорусско-русской речи становится актуальной проблема престижности языковой ориентации и трансформации этой концепции в первой четверти XXI в.: «социальная и географическая мобильность, распространение образования, расширение доступа к образованию и т. п. приводят к тому, что понятия «доминирование» и «престиж» языков в современных обществах размываются» (стр. 22).

Важное, концептуально значимое, методически верное решение социолингвистического исследования О. С. Горицкой — это признание русского языка полицентрическим, обоснованию чего посвящён отдельный параграф первой главы. Как известно, полицентрические языки (английский, французский, испанский и др.) функционируют в нескольких центрах (государствах), при этом в каждой национальной разновидности

есть некоторое количество структурных особенностей и (возможно) свои нормы. И если существовавшая в СССР концепция русского языка как средства межнационального общения отражала сугубо моноцентрическую установку (единный для всего многонационального государства стандартизованный, нормированный русский язык советской эпохи), то такие господствующие в мировых языках тенденции, как демократизация языковых стандартов и регионализация в противовес глобализации, привели, по мысли О.С. Горицкой и ряда других исследователей, к изменению статуса русского языка с моноцентрического на полицентрический.

Таким образом, автор приходит к мысли о том, что белорусский русский — это недоминантная разновидность русского языка, находящаяся в процессе формирования.

В этом смысле с психолингвистической точки зрения весьма интересны рассуждения исследовательницы о том, что русский язык для белорусов не является языком межнационального общения: «Исторически русский язык является «выученным» языком для белорусской нации, что находит отражение в структурных особенностях русской речи белорусов — в различных «неправильностях» (отступлениях от кодифицированных норм) и, наоборот, излишней «правильности», являющейся следствием лингвистической неуверенности» (стр. 53).

Во второй главе («Методика эмпирического исследования градуальных феноменов») обосновывается создаваемая О.С. Горицкой методика эмпирического исследования белорусско-русских континуальных феноменов. В монографии замечательно сочетаются как классические психолингвистические методы исследования (например, интроспекция, анализ языковой рефлексии), так и корпусный анализ, и экспериментальные (онлайн-опрос) методы.

Основной материал исследования извлекался из подкорпуса «Живого Журнала» Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ), объём которого составляет 8 720 млн словоупотреблений, из них текстов, созданных в Беларуси, — около 162 миллионов. Подкорпус ГИКРЯ «Живой Жур-

нал» (ЖЖ), по мысли О.С. Горицкой, отражает современную повседневную речь: основная часть записей датируется 2010–2013 гг., а гибридный характер записей в ЖЖ позволяет анализировать специфику неофициальной, почти спонтанной речи. Благодаря большому объёму, разнообразию текстов и отсутствию редактирования, данный подкорпус отражает общие тенденции в развитии белорусской разновидности русского языка. Для выделения из корпуса сегмента русскоязычных текстов, созданных в Беларуси, использовались компьютерные программы, ускоряющие отбор релевантного языкового материала. Новые большие корпуса дают возможность выявить территориальное варьирование в использовании языковых единиц, отметить особенности текстов, связанные с их жанром, временем создания, социальными характеристиками автора и т. п.

Однако О.С. Горицкая не ограничивается анализом количественных данных, а исследует и метаязыковые высказывания самих носителей языка (объём картотеки — около 700 метаязыковых фрагментов общим размером в 30 тысяч слов), отражающие не только функциональные разновидности языковых вариантов, но и отношение к русскому языку в Беларуси. И это один из важнейших элементов концепции автора: «В основе нашей концепции языкового варьирования лежит представление о том, что различия между национальными разновидностями русского языка имеют градуальный характер и проявляются не только в наличии специфических языковых единиц, но и в разных предпочтениях говорящих» (стр. 97).

Третья и четвёртая главы выявляют лексические и грамматические особенности белорусского русского (в том числе явления, находящиеся на стыке лексики и грамматики) и факторы, которые обуславливают их формирование.

В третьей главе («Лексическая специфика русского языка в Беларуси») проанализировано лексическое своеобразие белорусского русского языка. Например, подробно описаны семантика и функционирование таких контактно-обусловленных лексем, специфических для этого варианта языка, как: *ссобойка* 'набор продуктов на работу, в дорогу', *отжалеть* 'дать, жалея',

шувлядка ‘выдвижной ящик’ (автор настаивает на том, что для русского языка это белорусизм, хотя, на наш взгляд, это полонизм немецкого происхождения), *потиху* ‘потихоньку, тихонько’, *буська* ‘поцелуй’, ‘человек или животное, вызывающие умиление’, *с большего/сбольшого* ‘в общих чертах, в основном, в целом, большей частью’, *приснить* ‘увидеть во сне’.

Очень интересен фрагмент, связанный с анализом словообразовательно активного белорусизма *бульба*, который используется в создании новых номинаций (как правило, сложных слов) и в игровом контексте. «В частности, в интернете можно найти множество экспрессивных номинаций Беларуси с этим корнем: *Бульбостан*, *Бульбандия*, *Бульбалиндия*, *Бульболандия*, *Бульба-лэнд*, *Бульбингем* и т. п. Обычно в сложных словах корень *бульб-* теряет связь с картофелем и имеет значение ‘что-то белорусское’» (стр. 104).

О.С. Горицкая выявляет и ряд слов, которые фиксируются словарями русского языка, однако типичны именно для Беларуси (их текстовая частотность, по данным ГИКРЯ, гораздо выше, чем у российских авторов ЖЖ): *партизан*, *пан*, *милиция* (в Беларуси нет полиции), *утюжить* (семантическая поддержка белорусской лексемы *прасаваць* (от *прас* ‘утюг’) ‘гладить’).

Автор исследует и ономатическое поле белорусского варианта русского языка, приходя к выводу, что «онимы-белорусизмы — это одна из составляющих специфики белорусской разновидности русского языка. Корпусный анализ показал, что элементы белорусского языка входят в состав различных имен собственных (топонимов, антропонимов, зоонимов, названий произведений литературы и искусства, номинаций коллективов, мероприятий и т. д.). Такие лексемы имеют национально-культурные коннотации и способствуют созданию белорусского колорита» (с. 169).

Четвёртая глава («Грамматическая специфика русского языка в Беларуси») описывает грамматические особенности белорусского русского языка. Если в лексике главным источником новшеств, изменений выступают заимствования, то в грамматике — внутренние ресурсы, внутриязыковые антиномии и аналогии.

Справедливо отмечая, что «ввиду значительной структурной близости белорусского и русского языков грамматические особенности белорусской разновидности русского языка во многом являются лексикализованными» (стр. 216), О.С. Горицкая на этом этапе исследования словно бы последовательно иллюстрирует тезис Р.О. Якобсона о том, что «язык воспринимает элементы чужой структуры лишь в том случае, если они соответствуют тенденциям его развития».

В концепции исследовательницы грамматические различия между национальными вариантами русского языка, как и лексические, имеют градуальный характер и проявляются в том, что языковые единицы в неодинаковой степени распространены в различных странах.

В результате проведённого исследования были выявлены грамматические белорусизмы — единицы, которые чаще встречаются в белорусской разновидности русского языка, нежели в современном русском (некоторые из этих единиц характерны также для украинского русского). При этом ряд конструкций с ненормативным управлением встречаются повсеместно (например, *пришел со школы*). Другие конструкции имеют более узкую локализацию, например, белорусскую (*пойти в грибы/ягоды, мне болит голова*) или белорусско-украинскую (*смеяться с него*).

Интересны наблюдения автора над широким спектром причин появления грамматических белорусизмов: от тенденции к экономии речевых средств (*Баранович* вместо *Барановичей*) до выравнивания по аналогии с более продуктивными грамматическими феноменами (например, *словить, едьте, махайте* и т. п.). Важно, что подобные грамматические явления поддерживаются самим белорусским языком.

Отдельный сюжет в анализе грамматических белорусизмов посвящен глагольному времени: в результате контактов белорусский вариант русского языка сохраняет плюсквамперфектные формы типа *пришел был*, которые функционируют как полифункциональные варианты территориально не маркированных образований с частицей *было*.

В пятой главе («Отношение носителей белорусской разновидности русского языка к специфике идиома») проанализированы метаязыковые интернет-высказывания жителей Беларуси.

Отмечая зарождение общего для Беларуси и других стран постсоветского пространства положительного отношения к вариативности и нестандартным разновидностям русского языка как проявление полицентрической языковой идеологии, исследовательница эксплицирует и «элементы контркультурных установок, которые проявляются в готовности некоторых пользователей намеренно отступать от кодифицированных норм и создавать свои. Такой нонконформизм, в частности, наблюдается в продвижении вариантов *беларус* и *беларус(с)кий* в текстах на русском языке» (стр. 225).

Анализируя бурные интернет-дискуссии о специфике русского языка в Беларуси глазами самих белорусов, О. С. Горицкая делает важное наблюдение, характеризующее наивное лингвистическое сознание в целом: среди «наивных» говорящих есть тенденция относить многие факты, которые встречаются в бытовой коммуникации, к национально-специфическим, поэтому зачастую к локальным особенностям причисляют просторечные или разговорные единицы, активно используемые русскоязычными разных стран.

И, разумеется, в метаязыковых дискуссиях о белорусской разновидности русского языка звучат традиционные для народной лингвистики мысли о порче языка.

Одним из наиважнейших результатов столь широкомасштабного исследования, предпринятого О. С. Горицкой, следует признать создание комплексной методики, позволяющей анализировать не только белорусскую разновидность русского языка, но и другие подобные лингвистические образования (территориально-национальные разновидности русского языка). Особенностью её исследовательской оптики является анализ корпусных и экспериментальных данных, позволяющий получить объективные сведения о функционировании лингвистических единиц, а исследование интроспективных высказываний носителей белорусского русского языка эксплицирует социаль-

ную значимость языковых вариантов.

Еще раз подчеркнем, что монография О. С. Горицкой — это достойный научный труд высокой пробы, закрывающий определённые лакуны, существующие в современной русистике, и намечающие дальнейшие пути развития лингвистической мысли.

Хотелось бы подчеркнуть и широкий спектр применения монографии О. С. Горицкой, потенциально востребованной в разных общественных сферах: от научной и журналистской до преподавательской и лингвоэкспертной деятельности. Данная работа, безусловно, будет полезна не только русистам и специалистам в области контактной лингвистики, не только социо- и психолингвистам, но и культурологам, философам, юристам, политологам, социологам, журналистам и представителям многих других профессий.

В. А. Ефремов

*доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка*

*Российского государственного
педагогического университета им. А. И. Герцена*